

Д-ръ Н. Топорковъ. *Истерическій мутизмъ, аграфія и клептоманія.* Обзорніе Психіатріи, Неврологіи и экспериментальной психологіи № 7.—1902 г.

Приведа довольно подробно литературу вопроса, авторъ описываетъ больную, поступившую въ Казанскую Окружную Лечебницу съ явленіями мутизма, развившагося у нея внезапно, въ дорогѣ. На другой день поступленія больной былъ предложенъ авторомъ гипнозъ, послѣ котораго она заговорила совершенно свободно. Больная представляеть яркій примѣръ истерическаго характера; страдаетъ клептоманіей.

Типическій симптомокомплексъ истерическаго мутизма съ аграфіей развился у больной уже за время пребыванія въ Лечебницѣ на ряду съ состояніемъ крайняго возбужденія. Исчезъ онъ подъ вліяніемъ внушенія въ бодрственномъ состояніи.

По вопросу о патогенезѣ страданія авторъ считаетъ наиболѣе вѣроятной гипотезу Шарко, который видитъ причину истерической нѣмоты въ психическомъ параличѣ рѣчевого центра. Такой же психическій параличъ лежитъ по этой гипотезѣ въ основѣ истерической аграфіи.

А. Сколзубовъ.

Н. Н. Топорковъ. *Психозъ послѣ ожога.* Медицин. Обзр. 1903 г., кн. 1.

Душевное разстройство послѣ ожога наблюдается крайне рѣдко. Авторъ нашелъ въ литературѣ только единственное описаніе случая проф. Regis, да ссылку на случай Fowille'я у Эммингауза.

Въ случаѣ автора психозъ развился у 25-ти лѣтней крестьянки, получившей обширный ожогъ третьей степени спины, части грудной железы, плеча и предплечія на одной сторонѣ. Черезъ 15 дней послѣ ожога у больной появился бредъ и обильные обманы органовъ зрѣнія и слуха. Кромѣ того отмѣчалась подавленность настроенія, безсвязность рѣчи и проч. Въ общей сложности душевное разстройство продолжалось около мѣсяца. Авторъ останавливается на діагнозѣ: *Amentia hallucinatoria acuta*. Предрасполагающими моментами въ данномъ случаѣ онъ считаетъ предшествовавшіе (за 7 мѣсяцевъ до ожога) роды и кормленіе грудью, производящимъ же моментомъ является, по его мнѣнію, несомнѣнно ожогъ. Переходя къ вопросу о патогенетической связи между психозомъ и ожогомъ, авторъ склоненъ сводить сущность дѣйствія послѣдняго въ описываемомъ имъ случаѣ къ самоотравленію бактерійными токсинами, развившимися на обожженной поверхности кожи. Что именно этотъ моментъ игралъ главную роль, а не другіе, это вытекаетъ изъ того, что въ первые пять